

## СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА, М. В. БИБИКОВ, И. С. ЧИЧУРОВ

ВИЗАНТИНИСТИКА  
НА XVI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ  
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

С 25 августа по 1 сентября 1985 г. в Штутгарте (ФРГ) проходил XVI Международный конгресс исторических наук. В нем приняли участие около 2200 историков из 58 стран мира, в том числе 72 советских историка. Советскую делегацию возглавлял академик С. Л. Тихвинский. Программа конгресса предусматривала обсуждение трех тем, предложенных бюро МКИН в качестве основных на конгрессе («Индийский океан», «Образ других: иностранцы, меньшинства, маргинальные группы», «Сопротивление фашизму, нацизму и японскому милитаризму»), а также работу секций по отдельным хронологическим периодам всемирной истории, в частности секции истории средних веков. Согласно установившейся традиции, в заключительные дни работы конгресса состоялись заседания международных комиссий и ассоциаций, в том числе Международной ассоциации византинистов<sup>1</sup>.

В центре работы секции истории средних веков стояла проблема «Власть и авторитет в средние века». Председательствовавший Ж. Годме (Франция) охарактеризовал состояние изучения вопроса и выделил несколько аспектов его постановки. Понятие власти, с точки зрения Ж. Годме, включает в себя аспекты социальный (политический), идеологический (символика власти, церемониал) и административно-правовой (аппарат власти). Понятие же авторитета — в большей степени категории личностная, чем юридическая; путь от авторитета к власти в различных ее проявлениях в средневековой Европе был представлен Ж. Годме как путь собственно правового оформления этой власти.

Член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова и Л. А. Котельникова в совместном докладе «Проблема власти и авторитета в средние века» проанализировали основные черты данных понятий<sup>2</sup>. Власть есть социальное отношение, субъектами или объектами которого выступают отдельные личности, социальные группы или организации, обладающие сознанием и волей. Специфика власти, ее функции определяются закономерностями общественного развития. Авторитет представляет собой особое свойство личности или социальной группы, оказывающей ненасильственное, морально-этическое воздействие на поведение другой личности или социальной группы. В докладе отмечалось многообразие сфер действия авторитета: авторитет личности, таланта, опыта, знания, положения, примера, подвига, власти. Вместе с тем было указано, что в реальной жизни оба понятия существовали не изолированно: происходило постоянное взаимодействие соответствующих явлений. Понятия власть и авторитет, их об-

<sup>1</sup> Тихвинский С. Л., Тишков В. А. XVI Международный конгресс исторических наук // *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 3—25. Интервью З. В. Удальцовой о конгрессе см.: *Сов. Россия*. 1986. № 8. 10 янв.

<sup>2</sup> См.: ВВ. 1986. 47.

пественные функции, их роль в идеологическом и нравственном развитии общества тесно связаны с социальной структурой и политической организацией средневековых государств. Поэтому центр проблемы — в определении того, интересы каких социальных слоев, общественных, религиозных, политических организаций и группировок выражают в данный исторический период власть и авторитет. В антагонистических обществах они в этой связи не всегда совпадают: для одних социальных слоев власть может быть авторитетной, а для других — оказываться враждебной силой, лишенной авторитета. Эти положения были проанализированы в докладе на примерах Византийской империи и средневековой Италии.

В прениях по докладу выступили И. Виоланте (Италия), поддерживавший выводы докладчиков, и К. Киррис (Кипр), специально коснувшийся взаимоотношений церкви и государства. Е. В. Гутнова в своем выступлении остановилась на общих методологических проблемах обсуждавшегося сюжета, уделив особое внимание организации государственной власти в Англии.

Член-корреспондент АН ГССР М. Д. Лордкипанидзе рассмотрела черты типологического сходства и отличия государственной власти в Византии и средневековой Грузии. К. В. Хвостова проанализировала взаимоотношения государственной власти византийских феодалов в связи с историей прониции. По мнению К. В. Хвостовой, также целесообразно, освещающая тему «Власть и авторитет», различать правовые принципы организации власти и фактическое функционирование этих отношений. Показателен, в частности, дуализм власти и авторитета в Византии. Наряду с публично-правовыми представлениями и принципами организации власти здесь, особенно при Палеологах, развиваются формы и отношения, свидетельствующие о приватизации и власти, и авторитета. Дискуссия по этой теме приняла оживленный характер, а сама атмосфера работы секции была вполне доброжелательной.

Большой интерес выказали западные ученые к проблемам правового оформления государственной власти, равно как и совпадения власти государства и его авторитета, причем обе проблемы трактовались с оттенком некоторой идеализации королевской власти. В связи с этим особое внимание привлекали доклады, касающиеся ритуала коронации, придворного этикета и отражения в искусстве символики власти государей.

О взаимоотношениях королевской власти и церкви говорил, в частности, представитель Ватикана Н. Макалоне, подчеркнувший наличие двоевластия в Западной Европе, воплощавшегося в существовании двух политических сил: папства и светской государственности. В то же время другие ораторы соглашались с тезисом доклада З. В. Удальцовой и Л. А. Котельниковой о подчиненном положении церкви по отношению к государству в Византии. Проблема несовпадения власти и авторитета и роли отдельной личности в приобретении последнего не получила развернутого освещения в выступлениях западных историков, хотя все они соглашались с правомочностью такой постановки вопроса советскими учеными.

Обсуждение темы «Власть и авторитет в Византии» было продолжено и на одном из двух «византийских дней» конгресса. Научная значимость и актуальность проблемы в целом применительно к византиноведению была отмечена президентом Международной ассоциации византинистов академиком Г. Хунгером (Австрия) в его выступлении «Византия и ее история — возможности актуализации», предвзявшем доклады, заслушанные в рамках ассоциации. К числу наиболее актуальных и потому подлежащих изучению особенностей византийского феномена «власть и авторитет» Г. Хунгер отнес ряд специфических черт императорской власти: абсолютная — в идее — власть монарха и ее реальная ограниченность конкретно-историческим соотношением политических сил в империи, а также отдельными «высокопоставленными политическими функционерами»; насильственное свержение императора при непоколебимости господствующей системы как таковой; ее «многовековая и многосторонняя

стабилизация»; «прочная взаимосвязь церкви и государства». Г. Хунгер обратил внимание и на идейное оформление и обоснование власти в Византии: он отметил роль Евсевия Кесарийского — «главного идеолога Византии» — в том и другом процессе, значение аккламаций как средства «манипулирования массами», функции риторики, находившейся на службе политической идеологии, наличие пропагандистских элементов в императорских грамотах, осуществление «риторической агрессии» с помощью языковых средств (этимологизация личных имен и распространенность оскорбительных прозвищ). «Односторонним представлениям общественности о Византии и ее политике», основанным на «клише, принадлежащих размытому понятию „византизм“», противостояла, по представлениям Г. Хунгера, «удивительная амбивалентность многих явлений» византийской жизни.

Заседание по теме «Власть и авторитет» прошло под председательством З. В. Удальцовой. В своем вступительном слове она остановилась на некоторых принципиальных методологических вопросах.

В современной науке, сказала З. В. Удальцова, данная тема рассматривается в различных аспектах: философском, правовом, социологическом, историческом, культурологическом и, наконец, социально-психологическом. Ее разрешение возможно лишь совместными усилиями ученых разных специальностей на основе новейших достижений в области философии, права, социологии, истории, истории культуры и социальной психологии. Поэтому совершенно правомерен вывод о комплексном характере темы, что нашло отражение и в тематике докладов.

Сегодня ведется много споров относительно самого определения понятий «власть» и «авторитет». Ученым еще предстоит тщательно продумать и выработать соответствующий понятийный аппарат. По мнению советских ученых, изучение данной проблемы невозможно без определения роли личности в истории. Та или иная личность, являясь носителем власти и авторитета, оказывает положительное или отрицательное воздействие на ход исторических событий. Строгость и корректность терминологии, понятийного аппарата — необходимое условие плодотворной разработки темы.

В ходе исторического развития человечества меняется как сущностное содержание понятий «власть» и «авторитет», так и взаимная связь между ними. Разумеется, определяющим фактором этих изменений остаются сдвиги в общественных отношениях, поэтому необходимо изучать данную проблему в постоянной динамике реалий, учитывать эволюцию категорий «власти» и «авторитета» в Византии, происходившую по мере развития общества.

Одна из центральных проблем — выяснение взаимных связей и взаимной обусловленности «власти» и «авторитета». Непременным условием понимания этой сложной проблемы служит четкое определение экономической базы власти и авторитета в империи на различных стадиях ее истории. В красочной панораме последней оба элемента, как правило, были тесно связаны друг с другом. Иногда они могли объединяться, даже сливаться, иногда — не совпадать, а иной раз и противоборствовать между собой. Реальная власть государства в Византии зиждилась на принуждении. Для приобретения авторитета как морально-этического феномена государственная власть, однако, прибегала к использованию не только методов принуждения, но и убеждения, считаясь так или иначе с настроением народных масс. Вот почему также столь важно выяснить характер связей власти и авторитета в тот или иной период истории Византии.

Понятия «власть» и «авторитет», их общественные функции, их роль в идеологическом и нравственно-этическом развитии общества теснейшим образом связаны с социальной структурой, государственным и политическим устройством Византийской империи. Поэтому один из основных вопросов, подлежащих исследованию, — вопрос о том, интересы каких социальных слоев, общественных, религиозных, политических организаций или группировок выражали в каждый данный исторический период

власть и авторитет. Существенно выяснить и другое: какие методы они применяли в процессе своего функционирования. К тому же необходимо иметь в виду, что авторитет не может быть простым аксессуаром власти. Подчинение ей само по себе еще не свидетельствовало об ее авторитете среди большинства населения империи. Адекватное решение этого вопроса требует классового подхода.

Значительный интерес для данной темы представляет рассмотрение имевших хождение политических теорий, призванных идеологически обосновать власть государства в Византии, подкрепить авторитет империи и императора, создать идеальный образ василевса, построить «модель» его отношений с церковью, знатью, сословиями, войском, народом. Целесообразно изучить роль права и законодательства в юридическом оформлении власти государя и всех звеньев государственного управления вообще, в закреплении привилегий различных социальных слоев византийского общества. При этом предметом анализа должна быть и символика власти, нашедшая красочное воплощение в литературе, архитектуре, изобразительном искусстве, в восхвалении Константинополя как резиденции императоров и средоточия государства ромеев.

Совпадение или несовпадение реальной власти и морального авторитета отдельной личности — таков еще один аспект разработки темы. В Византии гармоничное сочетание высокого морального облика и личного авторитета правителя с его подчас неограниченной, а иногда и тиранической властью было, как правило, редким. Вместе с тем можно привести немало примеров глубокого разрыва между самодержавной властью василевсов и их моральным авторитетом. Достаточно вспомнить хотя бы о противоречивости и двойственности облика таких правителей, как Юлиан Отступник, Юстиниан и Феодора, Маврикий и Фока, Алексей I, Мануил I и особенно Андроник Комнины, Михаил Палеолог и Иоанн VI Кантакузин и многие другие. Наряду с этим история Византии дает примеры высокого нравственного авторитета отдельных деятелей церкви, руководителей оппозиционных течений, ересиархов, вождей народных движений (таковы вожаки восстаний павликиан — Константин — Сильван, Сергей — Тихик, Карвей и Хрисохир). Большой интерес представляет изучение проблемы авторитета выдающихся мыслителей, философов, ученых, поэтов, художников, представителей творческой интеллигенции. Культуру Византии обогатили и прославили Прокопий и Агафий, Иоанн Златоуст и Иоанн Дамаскин, Лев Математик и поэтесса Касия, Михаил Пселл и Иоанн Итал, Феодор Метохит, Никифор Григора, Димитрий Кидонис, Георгий Гемист Плифон и Виссарион Никейский и т. д. Талант, сила ума, несокрушимость воли, отвага в отстаивании своих идей обеспечили многим из них морально-этический и научный авторитет в византийском обществе.

Первой на заседании выступила ректор Сорбонны известный византист Э. Арвейлер (Франция). Ее выступление было посвящено тому аспекту темы, который она вслед за Ж. Годме обозначила как «институционализированный авторитет», т. е. государственный авторитет, реализовавшийся на местах через посредство имперской администрации. Рассматривая отправление там государственных функций в качестве «делегирования власти», Э. Арвейлер сближала тем самым власть и авторитет. Несмотря на то что местная государственная власть повсюду осуществлялась «от лица» императора (формула *ἐκ προσώπου*), Э. Арвейлер считает возможным говорить об иерархии имперских территорий вокруг Константинополя.

«Экономический базис власти и авторитета» избрал темой своего доклада И. Караяннопулос (Греция), сосредоточивший внимание прежде всего на богословском обосновании права императора взимать налоги. По мысли И. Караяннопулоса, поскольку в Византии дело представлялось таким образом, что власть императора «установлена» богом, и поскольку исполнение императором своих обязанностей перед народом и государством требует финансовых средств, постольку и право императора взимать

налоги с подданных, согласно этим представлениям, вытекало из его роли как представителя бога на земле, а отнюдь не обуславливалось тем, что он выступал собственником совокупной недвижимости в империи. Вместе с тем И. Караяннопулос отметил необходимость для императора придерживаться определенных принципов налогообложения (его всеобщность, соответствие взимаемой суммы финансовому положению налогоплательщика). И. Караяннопулос проследил также развитие централизации во взимании налогов (централизация сбора и распределения поступивших налогов, сменившая раздельное поступление налогов в казну и выделение из нее средств для нужд провинций).

Правовой аспект темы был освещен С. Трояносом (Греция) в докладе «Церковь и государство: точки соприкосновения двух правопорядков». С. Троянос трактовал проблему власти и авторитета как антиномию двух правопорядков, а не двух властей. Единственная в византийской практике попытка регламентации отношений между двумя правопорядками, отразившаяся в титулах «Исагогии» об императоре и патриархе, не имела успеха. Сфера церковной компетенции определялась поэтому сохранявшими силу положениями Юстиниановского законодательства применительно к епископам, чьи права, по мнению С. Трояноса, не имели ничего общего с «административной властью» (для осуществления своих прав они получали *auctoritas*, но не власть).

В докладе М. Нистазопулу-Пелекиду (Греция) «Константинополь как средоточие и символ власти и авторитета» была дана характеристика столицы империи, ее доминирующего положения как центра византийской государственности и главного очага всей общественной жизни Византии.

Отражению власти и авторитета в византийских фресках был посвящен доклад К. Жоливе (Франция).

В выступлении И. С. Чичурова по докладам, заслушанным на этом заседании, был поднят вопрос о роли политической идеологии в обосновании авторитета власти. Особое внимание было обращено на признаки эволюции византийских представлений о социальной роли императора. В частности, на первое место в идеале императора, по мере того как в VII—начале IX в. утрачивали свою значимость интеллектуальные и полководческие достоинства, постепенно выдвигалось благочестие. И. С. Чичуров указал также возможности выявления общественной реакции на официальную пропаганду путем противопоставления официальной теории императорской власти конкретным образам отдельных императоров в византийской литературе.

К. В. Хвостова проанализировала вопрос о сочетании философско-религиозных, этических и прагматистских представлений о власти и авторитете в Византии. По ее мнению, в теоретическом обосновании власти большое значение имело понятие прони́и. Важно поэтому установить связь между философским и политическим значениями этой категории, с одной стороны, и с другой — прони́ей как совокупностью прав попечения, переданных страдоту или чиновнику, находящемуся на государственной службе. Первоначально забота императора о подданных мыслилась исключительно в виде некоей совокупности публично-правовых функций. В дальнейшем в империи происходят интенсивные процессы приватизации функций управления, а соответственно меняются представления о власти и авторитете. Обоснование того и другого византийские мыслители искали не только в области философско-религиозных и правовых представлений, но и в практической деятельности отдельных правителей. Для Византии характерны концепции нравственно-психологической ценности социально-политического опыта прошлого и его дидактических функций. Византийские историки разрабатывали поведенческую модель, основанную не только на политико-правовых воззрениях, но и на личных наблюдениях и анализе той роли, которую играют в политике психологические особенности личности. Описания событий в произведениях этих историков связаны, несмотря на их заверения в собственной беспристрастности, с субъективными оценками передаваемых событий

и с политическими прогнозами. Разработка конкретных мер по созданию и поддержанию авторитета власти отражала прагматистское направление в системе представлений о власти и авторитете в Византии. Считалось, что авторитет власти может быть достигнут благодаря добродетельному поступку, за что якобы следует божественное вознаграждение. Значение, придававшееся нравственно-психологическим факторам в политике, свидетельствует о появлении в трудах отдельных историков поздней Византии элементов гуманистической этики.

В заключительном слове З. В. Удальцова отметила, что все доклады, прочитанные на заседании, отличались высоким научным уровнем, глубиной исследовательской мысли, интересными выводами, основанными на хорошем знании источников. Охарактеризовав дискуссию в целом как весьма плодотворную, З. В. Удальцова вместе с тем высказала ряд общих соображений по существу поднимавшихся проблем. В трактовке вопроса об экономической основе императорской власти следовало, быть может, сильнее подчеркнуть своеобразие византийской государственности в сравнении с восточной: император не был верховным собственником земли, в источниках не зафиксировано верховное право собственности государя на все земли подданных. Это кардинальное отличие Византии от стран Востока. В то же время, говоря об экономическом базисе императорской власти в Византии, нельзя забывать о наличии большого фонда государственных земель (фиска, доменов императора) и о существовании государственных крестьян (демосиариев), которые платили ренту — налог государству. Проблема государственной собственности давно уже привлекает внимание исследователей (Г. Острогорский, М. Я. Сюзюмов, Г. Г. Литаврин и др.), но она до сих пор не разрешена, и к ее рассмотрению, видимо, еще нужно вернуться. Значительный вклад в изучение взаимоотношений церкви и государства внес доклад С. Трояноса. Греческий ученый убедительно показал, что теории цезарепапизма, или двоевластия церкви и государства, ныне справедливо отвергнуты наукой. Доклад С. Трояноса подкрепил правовыми аргументами выводы о единстве власти государя и церкви при подчиненном положении последней. Интересен анализ «Исагогии» Фотия — о разделении двух видов власти: церкви и государства. Докладчик показал всю нереалистичность попытки Фотия установить равенство власти императора и патриарха, полностью отмененную в Прохироне. Он подчеркнул, что в правовых документах Византии теория «двоевластия» больше никогда не возрождалась. З. В. Удальцова высказала докладчику некоторые пожелания. Для полноты картины в будущем можно было бы провести сравнение отношений государства и церкви в Византии и на Западе; не случайно тот же Фотий первым выступил в пользу разделения церквей. Православная церковь в Византии, функционировавшая в условиях централизованного государства, не являлась носителем универсалистских тенденций, подобно папству на Западе, а, напротив, проповедовала единение церкви и государства. Иными словами, реальная власть церкви была значительно ограничена сильной государственной властью, и история Византии изобилует примерами, когда важнейшие догматические и даже канонические вопросы православной религии решались не церковными соборами или патриархами, а светской властью в лице императоров. Разумеется, встречались и непокорные патриархи, и религиозные деятели, стойко отстаивавшие свои убеждения, но победа почти всегда оставалась на стороне светских правителей. Были высказаны пожелания также и по красочному и интересному докладу М. Нистазопулу-Пеликиду. В дальнейшей работе над данной темой важно обратить внимание на то, что Константинополь стал центром идейной жизни империи, где формировалась политическая доктрина власти императора и византийской государственности, вынашивались стратегические планы усиления власти и авторитета империи во всем средневековом мире. Необходимо, кроме того, иметь в виду стратификацию населения столицы, роль придворной знати, чиновничества, городского патрициата, церкви, церковной и светской интеллигенции и других

носителей власти и авторитета. При этом, конечно, роль Константинополя менялась в ходе исторического развития и его авторитет падал по мере ослабления центральной власти.

Помимо упомянутой выше, темой заседаний секции истории средних веков была и еще одна: «Народные и религиозные движения в средние века». Эта тема, разумеется, представляет большой научный интерес и для византинистов. В докладе А. Бредеро и Й. ван Моленбрека (Нидерланды) подчеркивалась тесная, часто неразличимая связь между религиозными и «материальными» факторами средневековых общественных движений. В основе социальных конфликтов лежали противоречия экономического порядка, которые, однако, переводились на язык духовных и умоизрительных образов, ибо, по мысли докладчиков, речь и слово были монополизированы в средние века религиозной сферой. Массовые народные возмущения участились в позднее средневековье — в период экономической стагнации, крушения многих надежд, усиления социального протеста, когда человек боролся как за свою материальную безопасность, так и за духовное спасение.

К. Киррис (Кипр) сконцентрировал внимание на утопических, апокалиптических, эсхатологических и уравнилельных идеях в религиозных народных движениях средневековья. Их идеология сочетала в себе как веру в грядущее утверждение общества равноправных, так и апокалиптические представления о неизбежном наказании «тиранов». Элементы религиозной образности органически вплетались в фольклорные мотивы народных поверий. Известные различия между городскими и крестьянскими восстаниями не означают отсутствия тесных взаимосвязей между различными формами социального протеста.

Э. Вернер (ГДР) в докладе «Религиозные и общественные формы сознания в XI в.: еретики и городские зилоты» отметил массовый характер религиозных движений в Европе того времени, указав, впрочем, что некоторые формы социального протеста на Западе имели не религиозный, а, напротив, антиклерикальный характер. Дуализм социальной действительности находил отражение и в популярности дуалистических ересей, а также выраставших с ними массовых движений (богомильство).

Многообразие форм социальных и религиозных движений в Византии XI в. оценила и Э. Патлажан (Франция).

Доклад Д. Ангелова (Болгария) был посвящен богомильству — одному из самых значительных в истории европейского средневековья религиозно-социальных движений. С религиозно-философской точки зрения учение богомилов сочетало в себе черты раннехристианских воззрений с гностико-дуалистическими принципами миропонимания. Распространение же богомильства в болгарских землях было результатом конкретных социально-исторических условий развития средневековой Болгарии, где крестьянство и городская беднота выступили против церкви как института и инструмента угнетения. Религиозно-философский дуализм отражал социальные антагонизмы средневекового мира. Докладчик выделил также черты типологической общности богомильства с еретическими движениями в Италии и Франции XII—XIV вв.

«Боснийская церковь» XIII—XV вв.» — тема доклада С. Чирковича (Югославия). Движение боснийских христиан пережило несколько этапов развития — от протеста угнетенных, борющихся за свое существование, до утверждения «Боснийской церкви» в качестве составной части социального организма, осуществлявшей руководство им. Характер конфликтов здесь в большей мере связан был с национальными, чем с социальными, проблемами. Эта эволюция шла рука об руку с расширением и укреплением могущества самой Боснии, превратившейся из маленькой, довольно замкнутой сельской области в обширное государство, находившееся в тесных контактах с внешним миром.

В прениях по докладам приняли участие советские медиэвисты.

Член-корреспондент АН ГССР М. Д. Лордкипанидзе показала, что в средневековой Грузии социально-религиозные движения во многом

были тесно связаны с борьбой против иноземных вторжений и культурных влияний, за национальную и культурную самобытность страны. Е. В. Гутнова выявила социально-политические причины многих религиозных по форме движений XI в. Член-корреспондент АН СССР В. И. Рутенбург отметил, что отнюдь не все народные движения средневековья имели религиозный характер.

Одной из главных тем конгресса являлась проблема «Образа других», обсуждение которой было продолжено и на заседании Ассоциации византинистов.

С основным докладом по данной теме выступила на пленарном заседании Э. Арвейлер (Франция). Она выделила три аспекта проблемы: этнические меньшинства, маргинальные группы общества и культурное отчуждение. Понятие «чужого» («другого») возникает при условии утверждения понятия «своего», самобытного. Границы между обеими историко-культурными категориями подвижны. История была представлена докладчицей своего рода полем битвы между «своим» и «чужим», между «тождественным» и «чуждым». «Чужой мир» предстает в виде *terra incognita*: это или пустыня, или непроходимые горы, или некое пространство «без образа», открытое и неконкретное в своих очертаниях. По мнению Э. Арвейлера, можно вычленив несколько принципов описания «чужого мира»: этот мир неведом (вплоть до его «исключения» из истории), полон аномалий, он эксцентричен и является отклонением от нормы, он наполнен «варварством» и отталкивающе чужд. Его история — это история людей, хранящих молчание.

М. Молла (Ватикан) охарактеризовал «образ другого» в идеологии позднего западноевропейского средневековья, обособив несколько групп «ино мира»: беднота, отступники (маргинальные группы), иноверцы в христианском мире, иноземцы и т. д., воплощавшие в себе результат социального, религиозного, географического отчуждения.

Выступившая в дискуссии Н. В. Синицина охарактеризовала два фактора, обуславливающие, как она полагает, методологическую сложность темы. Во-первых, это необходимость учитывать степень достоверности образа, его отклонения от реальной исторической основы; образ служит формированию той или иной идеи и никогда не бывает идеологически нейтральным. Так, у русского публициста XVI в. И. С. Пересветова образы православной Византии и мусульманской Турции — средство, инструмент для того, чтобы обосновать необходимость социально-политических реформ в России; при этом образ единой Византии представляет отрицательный пример, а образ иноверной Турции — положительный. Во-вторых, каждая из составных частей оппозиции «свое» («собственное») и «другое» («чужое») обладает сложной социальной и классовой структурой. Образы одного и того же события или явления, созданные представителями или идеологами разных классов и борющихся групп, неизбежно отличались друг от друга.

Заседанием Ассоциации византинистов, где обсуждалась эта же тема, руководил И. Шевченко (США).

Ж. Дагрон (Франция) посвятил свое выступление проблеме «неприятельских народов». Византийская идеология выработала представление об иерархии государств, с которыми империя поддерживала контакты. Византийские авторы постоянно сетуют на враждебное окружение: Византия должна обороняться от него. Процесс христианизации «варваров» вносил изменения как в отношение византийцев к бывшим врагам, так и в положение некогда враждебных народов в иерархической системе государств, рисуемой византийскими авторами. В данном ракурсе была специально рассмотрена проблема пограничных зон с их полувизантийским-полуварварским населением.

Оригинальностью постановки проблемы в рамках обсуждавшейся темы был отмечен доклад К. Манго (Великобритания) «Дьявол». Анализируя образ дьявола в византийской «элитарной» и народной культуре, письменной и материальной, исследователь подметил подчеркнутую анти-

человечность образа, звериный облик, которым его наделяло средневековое воображение.

Д. Оболенский (Великобритания) охарактеризовал образ славян у византийцев. Понятие «славянского образа» в Византии — весьма емкое понятие. Оно вырисовывается в сравнении как с собственным образом самих византийцев, так и с образом Византии у славян. Вся эта образная система не оставалась неизменной, но претерпевала определенную эволюцию: так, если у славян на первом этапе несомненно престижное положение, занимаемое Константинополем, служившим «моделью» для Киева и Преслава, то затем происходит снижение образа византийской столицы; с падением Константинополя растут националистические тенденции в идеологии славянской публицистики; наконец, все отчетливее ощущаются антивизантийские тенденции.

Комплекс представлений о «других» в Византии XI в. явился предметом рассмотрения Э. Патлажан (Франция). Исходным пунктом социального деления ей представляется правоверие — веры, взглядов. «Маргинальными» слоями в религиозной сфере становились неортодоксы, в области социальной — бедняки, профессионально отчужденные элементы (проститутки и т. п.). Впрочем, — это положение дополнил и И. Шевченко — византийское общество XI в. не достигло еще значительной степени дезинтеграции.

А. Шбул (Австралия) в докладе «Образ Византии в арабских исторических и других литературных источниках» указал на диалектическую связь между самообразом народа и образом «других»: иноплеменные народы часто описываются в категориях привычного мира. Так, Константинополь и Рим в арабской литературе представляли в обличье Вавилона.

Э. Стэнеску (Румыния) рассмотрел проблему образа «других» в Византии на примере сложившихся там представлений о владшских пастушеских племенах. Анализируя тему «ромей» и «варвары» на Балканах VII в., С. Брезяну (Румыния) привлек материалы «Чудес св. Димитрия».

М. В. Бибилов, выступив в дискуссии, показал существование различных уровней взаимопонимания и отражения образа Византии у славян и образа славян в византийских текстах; «образ других» при всей стереотипности подвергался в Византии с течением времени трансформации.

Особой темой обсуждения Международной ассоциации был вопрос о значении византийских штудий в комплексе исторических исследований в целом. Председатель заседания И. Ирмшер (ГДР) в докладе «Место византистики в системе исторических наук» осветил основные этапы развития византиноведения с XIX в. до наших дней. Докладчик подчеркнул междисциплинарный характер этой отрасли знания, ее значимость для медиевистики, тюркологии, славяноведения, истории античного мира.

Другие докладчики выделяли те или иные стороны византиноведческой науки, общие для изучения истории и культуры других регионов. В. Папулия (Греция) раскрыла связь византиноведения с изучением истории Юго-Восточной Европы. Ф. Шлоссер (Канада) выступила с докладом «Византиноведческие исследования и история крестовых походов: Алексиада Анны Комниной как источник по истории крестовых походов». Э. Вернер (ГДР) рассмотрел новые методы османистики в их применении к византистике. Я. Ферлуга (ФРГ) охарактеризовал роль византиноведения в изучении истории южных славян.

Ряд докладов был посвящен междисциплинарному характеру византистики. Так, Э. Кондураки (Румыния) прочитал доклад «Византиноведение и археология», Д. Холдон (Великобритания) — «Византистика, антропология и философия истории», Р. Теодореску (Румыния) — «Византистика и история искусств», К. Фледелиус (Дания) рассказал о византийских штудиях в Дании в связи с историческими и историко-филологическими исследованиями.

С дополнениями к докладом выступила Р. Досталова (ЧССР), а также М. В. Бибилов, остановившийся на методике источниковедческого анализа

византийских текстов, включающей приемы этнолингвистики, исторической антропологии, историко-филологической критики текста.

К обсуждению проблем современной методики исследований непосредственно примыкал и доклад Т. Лунгиса (Греция), прочитанный на заседании по исторической географии античности и средневековья. С помощью ЭВМ афинскими исследователями были обработаны и проанализированы топонимические, гидронимические и другие историко-географические данные (всего более 10 000 названий), относящиеся к истории Византии и прилегающих к ней земель.

В заключение работы секции византистики состоялось заседание Бюро Международной ассоциации византистов. Были заслушаны и обсуждены отчеты президента ассоциации академика Г. Хунгера, генерального секретаря и казначея Ассоциации, сообщения о деятельности комиссий по исторической географии (Э. Арвейлер), истории искусства (вместо П. Хаджидакиса выступила М. Нистазопулу-Пелекиду), по изданию памятников (Г. Хунгер), историографии. Профессор Ш.-О. Карбонель (Франция) сообщил, что комиссия по историографии МКИН отныне будет заниматься изучением и византийской историографии. Была рассмотрена работа Информационного бюллетеня Ассоциации. Значительный интерес вызвало обсуждение итогов «византийских дней» в Штутгарте. Было принято решение опубликовать в Греции (И. Караяннопулос) все материалы заседаний.

Центральным на заседании Бюро был вопрос о ходе подготовки и программе XVII Конгресса византистов в Вашингтоне (август 1986 г.). В связи с отсутствием президента предстоящего конгресса Маргарет Фрезер (США) доклад о подготовке к нему сделал ее заместитель в Национальном комитете США И. Шевченко. При утверждении программы за византистами СССР были закреплены три большие темы к пленарным заседаниям: 1) «Византия и славяне» (Г. Г. Литаврин), 2) «Византия и Киев» (З. В. Удальцова), 3) «Византийский роман» (А. Д. Алексидзе). Кроме того, на вечерних заседаниях каждый день будут проводиться коллоквиумы, в которых могут принять участие византисты всех стран.

Местом проведения следующего Международного конгресса исторических наук в 1990 г. выбрана Испания. Новым президентом МКИН стал Э. де ла Торре Виллар (Мексика).